

Пролог

Проклятая бессонница. Мужчина решил взять книгу, но тут вдруг погасла настольная лампа. Это что еще за новости? Хотя перебои с электричеством в их элитном поселке не редкость.

Вздохнув, он принял еще одну таблетку снотворного и повернулся на бок. Мысли зудели в голове как надоедливые мухи. Когда сон уже почти завладел им, донесся шорох со стороны коридора. Ему показалось, что в проеме неплотно закрытой двери мелькнула какая-то тень.

— Эй! — на всякий случай прикрикнул хозяин дома, приподнявшись над подушками. — Кому там не спится?

Ответа не последовало. И мужчина впал в дрему. Во сне ему стало казаться, что вокруг кровати кто-то ходит. Он подумал: это тени от проезжающих машин. И внезапно проснулся от страха. В комнате было темно, шторы плотно задернуты. Свет от уличных фонарей проникал через тонкую пурпурную ткань, комната будто окрасилась в цвет крови.

Пытаясь нащупать таблетки от сердца, он понял, что на тумбочке их нет. Неужели переложил на другую сторону? Привстав, он хотел пошарить на тумбочке, что располагалась с другой стороны кровати.

Перегнулся и понял, что рядом кто-то лежит. Вдруг что-то коснулось его — легко и быстро. Его рука ощутила чью-то кожу. Как будто бы шершавая и холодная... В следующее мгновение пришла острая боль, словно кто-то всадил тонкую иглу прямо в сердце. Глаза привыкли к темноте. Мужчина успел увидеть пустые впадины глазниц на белом полотне чужого лица.

«Спокойно, это, наверное, сон. Сейчас я проснусь, и все закончится...»

Страх был сильнее голоса разума. Он так и не понял, сон это или явь...

Тело отказалось подчиняться. Он мог пошевелить только правой рукой. Потянулся к звонку, установленному на тумбочке, и вспомнил: электричества нет. Он увидел свое отражение в зеркале, висящем напротив кровати. И все померкло.

Створка окна приоткрылась. Снаружи кто-то заглянул. Привыкнув к темноте, тень залезла на подоконник. Сделав несколько осторожных шагов, замерла, прислушиваясь к дыханию спящего.

Раскинувшийся на огромной кровати мужчина не дышал. По дороге у дома проехала поздняя машина, освещающая путь фарами. Из темноты выплыло мертвое лицо. Искаженное смертью и страхом. Из коридора послышался скрип паркета. Крадущиеся шаги. Тень выскользнула в полуоткрытое окно...

Глава 1

Сочи, 20 августа. Утро

Утро после алкогольных возлияний добрым не бывает. Это вам подтвердит любой, кто хоть раз позволил себе лишку. Я же это делаю редко, но метко. И каждый раз клянусь, что больше ни-ни. Да уж, наши со Славиком сочинские каникулы начинались весьма колоритно.

Глянув вниз, я констатировала, что Славик спит на своем надувном матрасе, скрутившись в бараний рог. Странно, но он был в пижамных шортах и без сандалий. Видимо, вставал посреди ночи в поисках воды и разделся.

Тут только я заметила возле своей подушки алую розу и пробурчала: «Придурок». И когда успел, если дрых без задних ног?

К чему эта показуха, раз уж мы только изображаем пару для его родни? Разве что Славик опасался, что кто-то заглянет в домик с утра, оттого решил поддерживать легенду о нашей неземной любви. Но тогда его лежание на матрасе будет выглядеть

очень странно. Воистину, хороший понт дороже денег. Так папа номер два всегда твердит, вот Славик и внял голосу его разума.

Глянув на часы, я поняла, что к завтраку мы опять опаздываем. И зачем я только дала себя уговорить на эту поездку... Пришлось ускориться, расчесать волосы пятерней, натянуть шорты с майкой и растормошить приятеля.

В столовой уже наметилось утреннее оживление, но, к счастью, еще не завтракали. Сиделка Зоя Ивановна помогала прибывшей с утра кухарке Тамаре с сервировкой, бабка Крокодиловна сидела за столом и раскладывала пасьянс.

При нашем появлении сын хозяина Лев, одетый в деловой костюм, встрепенулся и предложил включить телевизор. По его словам, новости с утра помогали настроиться на рабочий лад. Родственники предпочитали обходиться без утренней промывки мозгов. Я вот телевизор не смотрю принципиально, все равно правды там нет, а чтобы слушать пустопорожнюю болтовню — так у меня для этого есть секретарша Славик.

Двоюродная сестра Славика, Вероника, демонстративно слушала музыку в наушниках, дергая в такт ногой. Ее муж Антон читал газету, перебарываясь язвительными репликами с братом Вероники, вечно лохматым подростком Витькой. Тот жаловался, что в полночь пропал интернет и до сих пор у него ничего не грузится.

— Ты бы спал, а не в интернетах лазил, — назидательно молвил Антон. — И без того в голове каша,

еще и себе зрение портишь. Зря теща разрешила тебе жить одному в комнате, за тобой глаз да глаз нужен.

— Я бы спал, если бы кто-то не шастал туда-сюда всю ночь. Успнешь тут. Я только задремал, как двери скрипеть стали. А я бабушку боюсь, еще явится ко мне посреди ночи. Пришлось дверь забаррикадировать.

— С чего вдруг бабушке по ночам ходить? Она и днем ленится, — сказала Вероника, сняв наушники.

— Дом огромный, все время кажется, что ночью пол скрипит, — возразил подросток.

— А знаешь, я вчера тоже кого-то видел в коридоре ночью, — усмехнулся Антон. — Когда возвращался в комнату, мне показалось... Еще подумал, вдруг Витька лунатит, насмотревшись ужастиков?

— Интересно, когда это ты по коридору ходил? — заинтересовалась Вероника. — Когда я вернулась в комнату, ты спал. А до этого вроде смотрел футбол, даже за пивом меня отправлял.

— Когда ты пошла подышать в сад, мне захотелось пить, — ответил Антон, недоуменно поглядывая на жену, а потом расхохотался: — Или ты подозреваешь, что я изменяю тебе с Розой Львовной?

Тетка Сабина и мама Славика еще не вышли из гостевой спальни, расположенной в правом крыле первого этажа. Боюсь, им сегодня было так же нехорошо, как и мне. Вчера «за встречу» выпили они явно немало.

Я хмурилась и пила воду из всех подручных емкостей. Славик же в этот утренний час был свеж и бодр, как жаворонок, проявлял неумеренную активность и темперамент. Он пытался завести со

мной беседу о пользе ферментированных продуктов в деле лечения похмелья, но успеха не возымел. Мне стало обидно, что вино мы с ним дегустировали вчера вместе, а страдаю теперь только я одна. Даже заподозрила, что он подливал мне больше, чем себе. Конечно же, со злым умыслом.

— Иногда утром со мной лучше не разговаривать, — буркнула я, не особо заботясь о приличиях, — просто дай мне время прийти в себя: позавтракать, уйти на пляж, отдохнуть, потом поработать, вернуться, поужинать и молча лечь спать. Всего-то и делов...

— Вчера ты была более любезна, — шепотом укорил меня Славик. — Мы вели такие интеллектуальные беседы о звездах...

— Вчера ей казалось, что набралась ума-разума. А оказалось, что просто набралась, — хихикнула Вероника, которая только делала вид, что слушает музыку, а сама клеила ухо к чужим беседам. Причем говорила достаточно громко для того, чтобы я слышала.

Атмосфера ожидания стала томить присутствующих, а соблюдать приличия вроде бы стоило. Без хозяина дома за стол садиться было не принято.

Первым не выдержал Антон:

— Витька, ты самый молодой. Сгоняй наверх, разбуди деда. Что-то он разоспался.

— Да, мне уже на работу пора, — кивнул Лев и глянул на часы. — Должен же в доме хоть кто-то работать...

Витька нехотя поднялся и поплелся по лестнице, шаркая ногами. Судя по его скорости, завтракать мы начнем не раньше обеда.

Спустился Витька буквально через пару минут и выглядел так, словно за углом получил сковородкой по башке.

— У меня две новости, — начал он, присаживаясь на диван.

— Одна хорошая, другая плохая? — хохотнул Лев, наливая себе сок и грустно поглядывая в сторону бутылки с коньяком. — Дед обозвал тебя надоедливой глистой, но обещал купить новый комп?

— Ну-у-у, тут как бы две в одной. Дед перестал обзывать. И вообще все перестал... Короче, я не совсем понял, но, кажется, он от нас ушел.

Первую минуту ничего не происходило. Кажется, никто не понял, что сказал Витя. Лев продолжал ухмыляться, Вероника качала ногой, Славик все так же болтал, Антон неспешно скручивал газету.

Я, хоть и тормозила, нашла в себе силы переспросить:

— В смысле — ушел? С самого утра? На прогулку?

— На тот свет, — бухнул Витька и уставился на свои кеды.

Тут началось форменное светопреставление. Все вдруг ожили, завопили и кинулись к лестнице. Лев с Антоном лидировали в гонке препятствий. Я плелась в хвосте и орала: «Звоните в скорую!», Славик зазывал мать на разные голоса, а Вероника на бегу высунулась в окно и истерически выкрикнула:

— Ивановна, дед умер, неси аптечку с лекарствами!

И только Витька не замечал мирской суеты вокруг.

– Думаешь, надежда есть? – спросила я, притормозив у дивана.

– Надежда, конечно, есть, раз наследников скоро огласят, – уклончиво ответил Витя.

– Я спрашиваю – надежда есть, что он живой? – укорила я Витю взглядом и словом. – Может, тебе показалось?

– Сто против одного. Труп.

Махнув рукой, я решила, что надо разбудить тех, кто еще не вышел. Но к этому времени Сабина и мама Славика уже и так выскочили на шум, кутаясь в халаты. Пришлось в спешном порядке объяснять, что произошло, а в их состоянии понять такое крайне непросто.

И тут уже и они ринулись наверх, а я подумала, что путаться под ногами у родных некультурно. Усевшись на диван рядом с Витей, я нервно покусывала костяшки пальцев.

Через пару минут на лестнице показался Славик, и по его лицу я поняла, что дело плохо.

– Скорую вызвали, и полицию тоже, – скорбно пробормотал приятель, усаживаясь в кресло. Подбородок его дрожал. – Я поверить не могу, как же так... Получается, снова приступ? Лекарств не оказалось, странно, что дед не позвонил, когда ему стало плохо. А вдруг он звонил, но никто не услышал?

– Может, не успел? Смерть во сне... Зато не мучился, – в полном обалдении попыталась я найти в свершившемся факте хоть что-то утешительное.

Признаться, я сама не могла поверить в реальность событий. Только вчера мы обсуждали предстоящий праздник, а теперь в доме покойник.

Сверху доносился женский плач и взволнованные голоса. Плач множился, началась невнятная ругань и споры. Кто-то хлопал дверями, на лестнице показалась бледная Зоя, которую послали за сердечными каплями для тетушек.

От нее я узнала, что вчера, примерно в девять вечера, она относила деду чай с мятой. После чего он собирался немного почитать и выпить снотворное. Зоя Ивановна последние месяцы ночевала с Розой Львовной в одной комнате, потому как та стала очень непредсказуема. В эту ночь она затребовала молока с медом, и когда Зоя возвращалась в комнату, краем уха слышала, как в комнате деда шла беседа, причем на повышенных тонах.

Хотя утверждать это она не могла, возможно, работал телевизор, спросонья не поймешь. Комната бабули и Зои Ивановны находилась в том же крыле, что и спальня деда, а гостей обычно размещали в левой половине или на первом этаже. Сказанное Зоей позволяло предположить: в то время, как мы со Славиком вернулись домой (а это было около десяти вечера), дед был еще жив.

Подъехала скорая помощь, за ней — полиция. Врач потратила какое-то время на осмотр тела и беседу с родными, после чего занялась соответствующей выпиской и инструктированием, как дальше поступить с трупом. Начались неприятные, но обязательные формальности, участвовать в которых, к счастью, мне не пришлось.

Глава 2

15 августа, за неделю до всех событий

Чтобы мужчины не портили вам праздник своим отсутствием, выход один — не стройте иллюзий. Если на все сто не уверены, что этот самый Жан-Жак, кровь из носа, будет праздновать только с вами, потому что больше идти ему просто некуда. А иначе выйдет, как у моей мамули...

— Он мне сказал: «Уйду праздновать День взятия Бастилии к друзьям, если ты наденешь эти уродские брюки-антисекс». И это он про мои шикарные шелковые штаны-гаремы! — сморкаясь, жаловалась она мне на своего Антуана.

В очередной раз, покинув Ниццу, где от папы номер два у нас осталась небольшая богемная квартир-ка, мамуля вернулась на родину предков. Конечно, не навсегда. Такие периодические эскапады были свойственны ей давно. В профилактических целях она периодически оставляла «душку Антуана» подумать о жизни. Правда, в такие периоды его пере-

именовывали в Хуана и называли «мерзким лягушатником».

Обычно через пару дней Хуан понимал, что потерял бесценное сокровище, и падал ниц перед мамулей, признавая свои ошибки. Но сейчас все пошло не по плану. Своенравный бойфренд оставил мамулю и ее штаны в одиночестве, ушел к друзьям и пропал. То есть не писал и не звонил вот уже две недели. Мамуля насторожилась. Но звонить сама, конечно, не пыталась, поскольку очень себя любила. Все мои отцы называли бывшую жену не иначе как царь-женщина.

В доказательство серьезности намерений мамуля по приезде даже сделала каре. Себе. А я испугалась: такая радикальная смена имиджа всегда сулила испытания и свидетельствовала о намерении держаться на смерть. Во времена моего детства, когда у мамули были проблемы в личной жизни, каре она почему-то всегда делала мне. Оттого-то в сознательном возрасте я стойко боролась за свои длинные светлые волосы, несмотря на настойчивые советы мамули «освежить» образ.

Признаться честно, мамулин приезд несколько озадачил. Наверное она решила держать осаду в моей квартире, как три мушкетера в осажденной Ла-Рошели... Конечно я желала родной душе любви и счастья, но перспектива делить с ней квартиру, хоть и двухкомнатную, слегка пугала. Мамуля у меня ого-го, в том смысле, что женщина она во всех отношениях видная и почти что идеальная. Рядом с ней я остро начинаю замечать свои недостатки. А кому такое понравится?

Но вернемся к началу истории. За мамулю было обидно, я старательно хмурилась, но в душе моей горел пожар. Затяжная и хмурая весна в этом году не порадовала, как и личная жизнь. Впрочем, о личной жизни лучше вообще не вспоминать: мой не успевший начаться роман закончился донельзя печально. Если бы не трое моих пап и секретарша Славик, это лето я бы уже не встретила¹.

Да, вы не ослышались: у меня три папы и секретарша Славик. Как по мне, то все это не так уж удивительно. Мамуля трижды была замужем, и каждый раз — удачно. Она бы с этим не согласилась, но факт остается фактом. Все три отца меня искренне любили и считали родной.

Папа номер один не был моряком дальнего плавания, но слишком долго плавал. Бабуля вещала: «Наш мент пашет, как задрюченный работяга». Уже в два года я знала, что папа-полицейский всегда на работе и борется со злом. Даже свечки на его именинном торте приходилось задувать мне, так что его участь была предreshена. Мамуля любила внимание.

Папа номер два был бизнесмен, а не бандит. Но, по мнению все той же вездесущей бабули, все богатые люди из 90-х — бандиты. А он был богатым, лысым и упорно тяготел к кожаным пиджакам. Высказываться по этому вопросу бабуля имела большое желание, но инстинкт самосохранения ее берег. Жизнь папы № 2 была очень насыщенной. А мамуля любила покой.

¹ Читайте об этом в «Три папы. Красавица и чудовище».

Папа номер три не ловил ворон. Он был философом. От востроглазой бабули не укрылся тот факт, что он был «эмоционально нестабильный бездельник, почти неврастеник». Мамуля увидела в третьем отце тихую пристань после папы-бизнесмена: в ту пору третий работал частным психологом и врачевал души. Но мамуля не любила, когда ей «любят мозги».

Нет, вы не подумайте, что я ною и жалуясь. Это прерогатива моего секретаря Славика. Хотя я вовсе не осуждаю тех, кто ноет. Тем более у многих есть ненадуманнные причины пожаловаться на жизнь. А кто-то просто Славик. У меня, по крайней мере, была любимая работа, все близкие живы и здоровы.

Впрочем, что-то я отвлеклась. Между тем лето было в разгаре. На это самое лето я возлагала большие личные надежды. Летом так просто влюбиться: зеленые теплые сумерки будто созданы для любовной тревоги. Каждое слово и каждый взгляд обретают значительность: таинственный знак, смутное предчувствие, полунамек — и вот вспыхивает искра. Из нее разгорается огонь любви. Ну, дальше вы сами знаете... Зимой такое случается гораздо реже — организм «заточен» на сохранение тепла и выживание. Мир сужается до экрана телевизора в теплой квартире. А летом — совсем другое дело.

Благодаря своей работе я и познакомилась с Аркадием. Их студия занималась разработкой фирменного стиля и нового логотипа, когда я решила немного освежить вывеску и визитки своего агентства праздников. Аркадий был одним из владельцев дизайн-студии, к тому же дизайнером. Так что звезды сошлись.

Аркаша показался мне очень спокойным, добрым и уравновешенным. Именно эти качества я очень ценю в мужчинах. Но мой гадкий секретарь Славик про таких говорит: «Настолько уравновешенный, что иногда вообще непонятно, жив он или нет».

Единственный минус отношений — кроме отцов и мамы, теперь меня пытается воспитать еще и бойфренд. Два месяца, которые мы вместе, Аркадий встречает с работы, кормит вкусными ужинами, водит по театрам и выставкам. Пару дней назад предложил слетать на десять дней в Турцию. Конечно, у нас в агентстве сейчас сезон свадеб, и вообще работы хватает. Но коллектив у меня слаженный, заместители имеются, да и Славик не даст кораблю утонуть. И вообще, Славик в солнечных очках может успешно сойти за меня: в последнее время он немного отпустил волосы и даже слегка их осветлил.

По некоторым причинам Аркадий пока не был знаком с моим семейством. С ранней юности я опасалась знакомить своих возлюбленных с родней. Отцы сразу же собирали на несчастного полное досье, уточняя материальное положение деверя сестры и обстоятельства смерти прабабки, а мама и вовсе откалывала номера позабористее. Однажды, лет в восемнадцать, я по неопытности привела в дом знакомого парня, представив его как баристу и имиджмейкера, на что мама вкрадчивым голосом попросила вернуть предыдущего цыгана. С тех пор, по понятным причинам, цыгане и имиджмейкеры обходили мой дом стороной. Но вернемся к нашим баранам. То есть к Славику.